

70 РИЙ БОНДАРЕВ
— не частый
гость на стра-

ницах нынешней прессы. Да и с «Книжным обозрением» в последние годы у него сложились непростые отношения. И все-таки в День защитника Отечества нам захотелось услышать этого, одного из лучших писателей фронтового поколения, автора «Тишины», «Горячего снега», «Выбора»... Пока договаривались о беседе, мы узнали от Юрия Васильевича, что «Солженицын — великий лжец, циник и притворщик», а Распутин — «без принципов, и верить ему нельзя»... Но самое святое — и для писателя, и для нашего еженедельника — читатель. Ради него и для него и состоялась эта беседа.

Е.УЛЬЧЕНКО.

Кн. обозрение. — 1999 — 23 февр. — с. 4

ПОСЛЕДНИЙ МОГИКАНИН ФРОНТОВОЙ ПРОЗЫ

— Юрий Васильевич, как складывается сейчас ваша творческая жизнь?

— Сейчас я, как всю жизнь, нахожусь за письменным столом. Уже четыре года работаю над романом о современности. К моему удивлению, в нем не будет ни строчки о войне. Я дал себе такой зарок — в этом романе совсем не касаться темы войны (этой теме будет посвящен мой следующий роман). В новом романе — наша милая современность, где действует, живет, мучается, страдает молодой герой. Он проходит через многие события и заканчивает жизнь то ли трагически, то ли не трагически... В романе показаны два поколения — старшее и молодое и то, как складываются между ними взаимоотношения.

— Отцы и дети?

— Нет, это отнюдь не проблема отцов и детей, это совершенно другое, непохожее... Коротко говоря, этот роман — о современности. Пишу его одержимо. Роман трудный. Для меня — невеселый. Поэтому пишется медленно, долго, тяжело (только один раз отвлёкся: поправил свои «Мгновения» перед тем, как отдать в издательство, да в промежутках работаю над статьей). Это нечто новое в моей работе. Таких чисто современных романов у меня, насколько мне не изменяет память, не было...

Вот так и живу — в основном, на даче. Время от времени встречаюсь с друзьями, которые остались друзьями. В Москву приезжаю в исключительных случаях. Например, на мероприятия, связанные с присуждением международной Шолоховской премии: я являюсь председателем жюри. На модные торжества, презентации (масса полудиностранных названий!), где тусуется наша интеллигенция, не езжу. Мне это противно. Бесцельная трата времени.

— Довольны ли вы своими издательскими делами?

— Сейчас у нас совершенно другая страна, совершенно другие издательства, совершенно другие журналы, совершенно другие театры, совершенно другое кино (хотя в них, может быть, и сохранились некоторые прежние люди). Иногда бывают такие утра: просыпаюсь и ощущаю себя в какой-то неведомой мне стране. Все — другое. Все находится на грани страшнейшей катастрофы... Скажем, когда писатель издает книгу за свой счет, а потом сам продает тираж — это не то что смешно, не то что анекдот — это скверный анекдот. Почти по Достоевскому!

Наша культура — величайшая из всех культур мира. Что касается литературы советского периода, несмотря на свое название «социалистический реализм», сущность у нее была другая. Это реализм, который вбирал в себя все:

критический реализм, фантазию, гротеск, памфлет... — словом, все то, что существовало в мировой культуре. Наши критики ушиблены идиотоманией определений: соцреализм, критический реализм, сюрреализм... Мне иногда хотелось бы спросить их: «Как вы определяете Сальвадора Дали?» Они ответили бы: «Сюрреалист». — «А может быть, он наполовину и реалист?» Думаю, они ничего бы не ответили, пожимали бы плечами, делали умный вид, закуривали сигареты, бросались к бокалу шампанского, чтобы подумать, но ничего бы не придумали... «Социалистический реализм» был названием, которым отгугивали. Этот реализм был, действительно, «социалистическим», потому что существовал при социализме. Это была золотая эпоха и нашей, и мировой культуры. У нас была золотая литература. Во времена социалистического реализма работали писатели, которым нет равных в мире. Это не громкие слова, не красной патриотизм, который я терпеть не могу, не национализм. Это действительно так. Вот вам несколько имен писателей. Кого можно сравнить с ними? Есть ли равный гениальнейшему писателю XX века Шолохову? Есть ли равный такому таланту, как Булгаков? Разве что Гофман в прошлом веке. А кто в нашем столетии может встать с ним рядом (хотя подобной литературы у нас много)?..

Возьмите потрясающий, я бы сказал, лирико-эпический талант Алексея Толстого. Или — совершенно неповторимые таланты Вячеслава Шишкова, великолепного Андрея Малышкина? Я могу назвать очень много имен писателей, с которыми нельзя сравнить ни Фолкнера, ни даже Хемингуэя. Последние были писателями на случай жизни. Шишков — это целая эпоха. Если вы задумались над вопросом, что такое капитализм в России, почитайте, почитайте «Угрюм-реку» Шишкова, и все станет ясно. Я уж не говорю о первой части «Брусков» Панферова. А какой исторический писатель был Чапыгин!

После Зошенко никем в мире не был повторен сказово-бытово-обывательский жанр. Может быть, Зошенко — не самый любимый мой писатель, но он отличается от всех остальных, и равных ему нет (О.Генри — нечто другое).

А какая у нас была поэзия?! Боже мой! Забыли Смелякова, забываем Твардовского. А Кедрин, написавший всего одну книгу?! А Рубцов с его совершенно гениальными вещами?! Смотрите, какой огромный ряд выстраивается! Как будто мы составляем списки на билеты в Большой театр...

Это была удивительная пора, невероятный расцвет литературы! Верю, в будущем этот

золотой век советской литературы еще будут изучать, он будет стоять совершенно отдельной строфой в истории мировой, вселенской литературы...

— Мы с вами разговариваем накануне Дня защитника Отечества. Вполне уместно было бы поговорить о военной прозе...

— Если говорить о нашей военной прозе, то здесь у меня немножечко грустное состояние. За последнее время я ничего в этом жанре не читал, если не считать прозы, связанной с Великой Отечественной войной.

— Не значит ли это, что жанр военной прозы себя исчерпал? Связываете ли вы с кем-либо надежды на его возрождение?

— Что касается прозы о той войне, то мне не от кого сейчас что-либо ожидать. Астафьев скатился на такую низкую ступень художества, извращения, неправды, лжи и злобы, что я от него уже ничего не жду. Что касается Быкова, я просто не знаю, что он сейчас пишет... Алексеев пишет «Мой Сталинград». Пусть допишет, тогда и будем говорить.

— И все-таки, может ли жанр военной прозы развиваться на современном этапе?

— В последние годы появилась замечательная вещь Александра Проханова «Чеченский блюз». Произведение незаурядное, в нем присутствует писательское разумение, писательский ум. Чувство не мешает автору быть разумным человеком. Ведь прозу или поэзию нельзя сделать на одном чувстве. Лаконичный, концентрированный в событиях и мыслях роман. Проханов — умный писатель, его вещь выступает из ряда современной литературы и стала самой большой его удачей. Я написал о ней рецензию, напечатанную в прессе. Перехвалить не стал, но отдал должные слова хвалы, потому что у Проханова получилась настоящая проза, написанная человеком, который знает слово. Эта проза шлифована, выверена. Она приносит наслаждение словом.

Больше о современной военной прозе мне сказать нечего. Думаю, что ее нет.

— В последние годы вы не раз высказывали свое критическое отношение к современной армии...

— Я не изменил своего отношения к нашей армии. Жалею, что сейчас она находится в таком невеселом, униженном, безденежном положении. У нас была армия Победы. Она не потерпела поражение и победила и в 20-е годы, и в сорок пятом! Я солдат, с армией связан с Великой Отечественной войны. Думаю, настоящие солдаты отметят свой праздник, и не только чоканьем стаканов, но и душевно.

Беседовала Евгения УЛЬЧЕНКО
при участии Александра БЕЛЯЕВА.